

зя оставлять Бога за пределами всего существующего”.

Потому не должно удивляться, что Эйнштейн, мысль которого вырвалась за пределы эвклидовых измерений, на вопрос, кто более всего содействовал формированию его мысли, ответил: “Достоевский”.

И не случайно Писарев, который всегда хорошо знал, что “дважды два четыре”, прочитав «Преступление и наказание» испытал “такое ощущение, как будто он попал в новый, особенный, совершенно фантастический мир, где всё делается навыворот и где наши обыкновенные понятия не могут иметь никакой обязательной силы”.

Это мир иных измерений. И за то, чтобы вырваться из нашего плоского пространства, где спокойно, рядом протекают параллельные линии, в книгах Достоевского равно сражаются и самые идеальные его герои, и самые страшные. Желание обрести Бога испытает и светлый Алёша Карамазов, и одержимый демоном Ставрогин.

К этому мы не подготовлены, ибо в огромном большинстве книг одни герои хорошие, а другие плохие. И даже у такого сложного автора, как Лев Толстой, Бога ищут Безуховы и Левины, а Карагины и Курагины — лишь злата и чинов.

Достоевский видит мир как гигантское поле битвы, но он слышит не голоса своих и чужих, не голоса белых или красных. Он слышит голоса самой раскалённой линии фронта. Он слышит крики всех раненых, всех погибающих. От их имени он предстаёт Богу и хочет обрести ответ, где же правда.

Талант Достоевского — “жестокий талант”. Однажды Г.Успенский беседовал с приятелем о Достоевском. Они вошли в маленькую прихожую. “Что можно сюда вместить? — сказал Успенский. — Разве что галошницу. А он... он бы напишал сюда страданий с шестиэтажный дом”.

Когда я приступаю к Достоевскому, мне всегда представляется жутковатая картина из одного романа, посвящённого Второй мировой войне. По краю Бабьего Яра идёт героиня. За ней следует немецкий офицер. Он должен выстрелить ей в затылок и столкнуть тело в овраг. Она вдруг понимает, что единственная возможность, может быть, спастись — прыгнуть в овраг живой. Но это страшно: овраг полон трупами и телами недобитых людей. Всё это плавает в крови, раздаются какие-то звуки-стоны, хрипы, урчание. Она прыгает...

Романы Достоевского — это вот такие овраги крови и боли. Нужно нырнуть в них, чтобы выплыть, обрета неведомую нам мудрость, как жить в этом мире, который с каждым днём всё больше становится похож на страдальческий мир Достоевского.

“Опасно и печально быть человеком, — пишет

преподобный Иустин, — ибо ни одно существо не было так возвышаемо и так унижаемо, как человек... в добре он идёт к Богу, а в зле опускается до дьявола”. Осознание этого всегда разрывает на части и героев Достоевского, и их автора.

Очевидно, все мы одарены некоей защитной пеленой и умением забывать, иначе бы не выдержали ежедневных страданий. А он словно лишён этой спасительной пелены. Он пророк. Ему Божий посланник “грудь рассёк мечом”. Вложил пылающее огнём сердце, одарил всепроницающим зрением.

Достоевский пророк и в ином смысле. Он одарён “неэвклидовым” умом. Он видит неньютоновский, а эйнштейновский мир. Недаром он стал властителем умов не в XIX, а в XX веке.

Молодой красноармеец Безайс из романа В.Кина «По ту сторону», прочитав роман Достоевского «Преступление и наказание», удивился: “Боже мой, столько шума из-за одной старушки!”

Мальчишкой герой жил в городке, где ежедневно стреляли и вешали красные, белые, зелёные и ещё какие-то. Вместе с другими он носил и укладывал трупы. Убийство не было философской или моральной проблемой. Это была ежедневная форма жизни, как еда, сон, одевание, восходы и закаты.

В конце 40-х годов, будучи студентом-филологом прикарпатского университета, я недалеко ушёл от Безайса. Впрочем, вокруг меня тоже ловили зелёных, бандеровцев, оуновцев. На улицах прямо поперёк тротуаров лежали умершие или умирающие с голоду крестьяне. Мы перешагивали, шли по своим делам. А ребёнком, в детском саду на Урале, я шагал в красных трусиках впереди отряда и пел: “Есть у нас красный флаг, он на палке белой...”

Так что и студентами мы больше понимали вирши Демьяна Бедного и горьковский «Буревестник». Достоевский был как-то не ко двору.

Да он часто не ко двору. Недавно на исповеди священник сказал моей ученице: “Достоевского не читай: страсти, извращения, болезненные надрывы. Это душе вредно”. В православной гимназии другой наставник не благословил его преподавать (“Детям это ни к чему”).

Смысл происходящего мне открылся в беседе с довольно молодым и начитанным пастырем. “Достоевский только искал. Да и кто из наших классиков нашёл Бога? Разве только Шмелёв?” Одним он не годится, потому что искал Бога не так удачно, как они. Другим, потому что уж слишком искал.

Горький говорил о вреде, который Достоевский